

18+

АЛЕКСЕЙ БРАЙДЕРБИК

Собрание сочинений

ТОМ 2

Алексей Брайдербик

Собрание сочинений. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435650

ISBN 9785005017567

Аннотация

Данный сборник включает в себя рассказы, миниатюры и афоризмы на разные темы, которые были написаны за последние три года. Некоторые из них были опубликованы и в других сборниках.

Содержание

Рассказы	5
Охотничье угодьё	5
Наш учитель	6
Незванный гость	8
Шепот ужаса	10
Хвост птицы	12
Рисование	13
Щебень	15
Монолог осколка человеческого тела	17
Как я водил за собой носорога	19
Ночное приключение	21
Как я обращаюсь со своей любовью	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Собрание сочинений

Том 2

Алексей Брайдербик

© Алексей Брайдербик, 2022

ISBN 978-5-0050-1756-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-1757-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Охотничье угодье

Я не всегда могу выдать толковую идею, когда меня просят об этом. Обычно я сразу, можно сказать, на ходу придумываю что-нибудь, что другие используют в своих целях.

Однако в редких случаях у меня опускаются руки, и я никак не могу ничего придумать. Я понимаю, что во мне есть много разных идей, но только не могу добраться до них, словно они спрятались в таком месте, которое окружено горами, морями, вакуумом.

Так вот, если в момент, когда я собираюсь что-нибудь написать, меня вдруг перестают посещать идеи, я сажусь за стол, беру тетрадный лист и начинаю просто водить карандашом или ручкой между разлинованных строк.

Я жертва. Я проигравший. Моя ручка или карандаш скользят между строк, и я ожидаю, что хотя бы они наткнутся на какую-нибудь одинокую, отбившуюся от своего племени идею. Мое отчаянье от понимания собственной беспомощности меня растягивает, как резиновую куклу, вверх и вниз, рвет напополам вперед и назад.

Наш учитель

Человек представительной наружности, которого мы внимательно слушаем, и с которого мы не сводим глаз, – наш учитель.

Мы все готовы стать поборниками его учения, и надо заметить, что именно в этом его преимущество. Мы открыты, не защищены – у нас нет ни брони, ни твердой кожи, которая смогла бы отражать знания, обрушивающиеся на нас каменным градом. Но нам этого и не нужно, поскольку то, чему наш учитель хочет нас научить, безобидно.

Мы сидим на стульях и придвинуты ими к краям парт. Наши руки сложены на партах. Наше мироощущение создается его учением. Оно выводится мелом на внутренних стенках наших мыслей и душ.

Любое учение напоминает одежду, и мы используем его как одежду – чтобы быть нарядными и красивыми и чтобы спрятать наготу под ним. Мы даже стираем и сушим учение, словно одежду, латаем его, когда оно рвется, перекраиваем, когда это необходимо.

Кто-то из нас представляет учителя в виде знания, которое подходит к каждому ученику, снимает верхнюю часть его туловища и заливает внутрь свою гущу, а потом возвращает на место верхнюю часть.

Нам удается без лишних усилий запоминать информа-

цию. Иногда нам кажется, что мы и сами готовы стать учителями, и не исключено, что станем ими в будущем.

Незванный гость

Не люблю незваных гостей. У моего гостя есть то, чего нет у меня: власть и сила. Однако мне думается, что у него в действительности нет ничего. Нет никаких силы и власти — ни малейшего намека на них.

Мой незванный гость говорит, что копит свою силу и власть, правда не знает, на что их употребить. Он с их помощью уже добился всего. Сейчас он просто хранит их, носит в себе и не исключено, что передаст своему преемнику.

Что дает власти и силе моего незваного гостя жизнь? В редких случаях думаю так: власть и сила похожа на новую, недавно купленную кожаную жилетку — окружающие восхищаются ею, завидуют, что тебе удалось купить такую. Ты просто упиваешься ее престижностью. Ведь жилетка сделана из дорогой натуральной кожи, неважно чьей — главное, что она высоко ценится из-за своих качеств.

Однако если жилетка вдруг порвется или, не дай бог, придет в полную негодность, тебе тут же сообщат об этом и перестанут завидовать. Свои власть и силу я ношу, точно пиджак, который придает мне умный вид — подчеркивает фигуру, плечи, да и просто служит для незнакомцев поводом лишний раз сфотографировать меня.

Всякие власть и сила со временем превращаются в черные дыры, и никакой человек не может избежать их пастей. Для

кого-то я тоже незваный гость, и кому-то приходится терпеть меня.

У моего незваного гостя есть транспаранты с лозунгами власти и силы, и я не могу не смотреть на них и не читать, потому что они хорошо и броско оформлены, а сами лозунги написаны простым доходчивым языком.

Шепот ужаса

Впереди я увидел маленький дорожный указатель. Я подошел ближе, чтобы можно было разглядеть, что на нём написано. Я прочитал: «Пройди двадцать метров вперед, потом поверни налево».

Я прошел двадцать метров, повернул налево и увидел еще один маленький дорожный указатель. На нём также было что-то написано, я разобрал: «Молодец, пройди теперь десять метров и поверни один раз направо, потом налево». Я повторил всё в точности. Там я наткнулся на очередной дорожный указатель, и на нём, как и на предыдущих двух, была надпись: «Осталось немного, пройди пять метров, поверни направо, потом налево, после пройди еще пять метров и остановись».

И я пошел...

Я проделал весь этот сложный, странный, витиеватый путь и очутился в месте, которого я всегда остерегался. Ни дорог, ни тропинок. В стороне возвышался целый букет из дорожных указателей – где те автострады и шоссе, вдоль которых они стояли когда-то? И где я сам?

Неожиданно я услышал некий пугающий шорох, а с ним различил и другие пугающие звуки. Казалось, они исходили и сверху, и снизу, и со всех сторон одновременно. Вероятно, так оно было и на самом деле.

В какой-то момент я ощутил себя ногами, поддерживающими тело моего ужаса перед всем тем, чего я не знал об этом месте. Я снова нервно огляделся и понял, что мне надо спрятаться за каким-нибудь из дорожных указателей.

ХВОСТ ПТИЦЫ

Как-то раз мой отец сказал: «У всех птиц есть одна особенность: на каждом из перьев, которые покрывают их тела, висит маленький метеорит. И знаешь, как он там так висит?» Я отрицательно покачал головой. Отец продолжил: «Есть шерстяная нитка, к одному концу которой прикреплен метеорит, а другой пришит при помощи обычной иголки к каждому перу».

Отец подвел меня к окну и указал куда-то вверх. Я поднял голову и увидел пару птиц с метеоритами, которые висели на их перьях. Очевидно же, что неудобно махать крыльями или даже просто держать их в одном положении с грузом на каждом пере. Но знаете, как птицам всё же удавалось махать крыльями? Просто они делали это нечасто и осторожно.

Рисование

Моя подруга не умеет рисовать. Единственное, что она может, – начертить карандашом десяток линий разной длины, пару окружностей или овалов и еще несколько геометрических фигур.

Она не в состоянии нарисовать целый рисунок со всеми деталями, даже если дать ей какой-нибудь готовый, целый рисунок и попросить в точности повторить его, у нее не получится этого сделать.

Моя подруга сжимает карандаш пальцами – она это делает уверенно – и, коснувшись острием грифеля поверхности листа, сразу же начинает живо и ловко выводить разные линии, окружности, треугольники. Однако в какой-то момент она останавливается и бросает карандаш на пол.

Вот и выходит рисунок неполным. Выглядит со стороны странно: если подругу попросить нарисовать что-нибудь, например, дерево, она нарисует лишь линии ствола, черточками и кружками обозначит ветви и листья или вообще ничего!

Если предложить ей изобразить человека, то она так же наметит линиями контуры его конечностей, кружком обозначит голову – и всё. Больше никаких деталей она не добавляет.

Мне приходится заканчивать за нее. Я дорисовываю дета-

ли, которых бывает иногда очень много. Штриховкой придаю картине цельность. Но я не сержусь на подругу. Наоборот, мне кажется, у меня есть некоторый талант к рисованию.

Щебень

Грузовик подъехал к границе сквера и выбросил меня из кузова на щебень. Вокруг меня поднялось дымящееся облако белесой пыли, и я принялся разгонять пыль руками, поскольку от нее у меня заслезились глаза и захотелось чихать.

Горка щебня, на которой я лежал, как мне показалось, была длиннее, выше, шире меня. Край сквера, где опорожнился самосвал, встретил меня деревьями по сторонам пешеходных дорожек, закрученных несколько раз вокруг площадок с лавочками. Я вижу пестрые цветы – они пудрой радужных крапинок сверкают сквозь прозрачно-зеленую пелену газов.

Куча щебня, на вершине которой я оказался, напоминала пирамиду. Я и сам чем-то напоминаю пирамиду. Сверху я сжат, а к земле расширяюсь. Сколько щебня было до меня разбросано ногами, истерто ветром и смыто дождями. Земля подо мной помнит ли обо всех кучах щебня, лежавших здесь до этой?

Теперь я расскажу о сквере. Я оглядел его и подумал: к нему на четвереньках подкрадываются, словно голодные волки, годы. Они встают на задние лапы, передними упрямо начинают скрести по нему и впиваться зубами. Какая настойчивость и животный голод у них. Меня удручает, что нет поблизости кого-нибудь другого, кто смог бы отогнать годы.

От них негде укрыться. Они всегда могут всех учуять, выследить по запаху.

Но о чём я думаю? Мне нужно покинуть вершину пирамиды из щебня. Ко мне ведь тоже годы подползают на четвереньках, одним резким рывком встают на задние лапы и начинают вгрызаться в меня. Я слышу, как годы рыскают где-то рядом.

Монолог осколка человеческого тела

Осколок человеческого тела захотел высказаться. Долгое время он молчал и ни с кем не разговаривал, но сегодня он понял, что устал от молчания.

«Я бесформенный и внешне непривлекательный осколок. Я знаю, что от любви в прямом смысле рассыпаются на мелкие осколки. Не от простой любви, а от той, которая наиболее покинута всеми, открыта, несчастна в своей открытости и на зов которой сердцу его обладатель запрещает отвечать.

Когда человек рассыпается осколками, они лавиной сходят на землю с его остова, лишь он один и продолжает держаться. Держание друг за друга – остов, к которому стремятся все осколки. Ах, солнечный свет роняет светлые блики-слезы на осколки человека, на его оголенный остов. Я отлетел далеко от своего остова.

Я оплакивал себя и другие осколки, горевал о том, что случилось с нами, с человеком, который состоял из нас. Мы, осколки, всегда падаем с громким глубоким звоном, а потом лежим на земле, или в траве, или в воде – там, куда упадем.

Я упал между порослью травы и голой почвой. Я бы хотел упасть в кучу из моих собратьев, потому что мне тоскливо одному лежать в незнакомом месте. Я даже не могу побеседовать с окружающим, я просто лежу и смотрю на цветы, которые только колышутся на ветру, на землю, что совсем

неподвижна. Я не в силах перевернуться на другой бок.

В бурном течении такого горя кажется, что ноги не смогут нащупать дно и глаза не увидят хоть жалкий кустик, за который можно было бы ухватиться. Но человеку везет, ему удастся восстановиться, собрать по кусочкам собственное тело. Сила не в осколках, а в направлении, в котором они двигаются, чтобы встретиться снова.

Человек восстанавливает себя из абсолютного, идеально-го упадка. Осколки необходимо подбирать так, чтобы они совпадали друг с другом краями, если какой-то не подходит к остальным, тело снова рушится. А потому каждое восстановление может тянуться бесконечно.

Чтобы достичь цели, надо помнить о направлении, в котором все осколки должны двигаться.

Я осколок человека, этот мой монолог – следствие моего состояния, моего отделения от человеческого остова. Я нахожусь за пределами человека. За неизвестными, неизвестными, неизвестными пределами».

Как я водил за собой носорога

Я вспомнил, как три года назад я был хозяином носорога. У меня была крепкая веревка, один конец ее был привязан к моему запястью, а другой носорог сжимал в пасти. У меня не было денег, чтобы купить ему сбрую, их едва хватило на эту веревку.

Я вел его по широкому проспекту. Между нами был союз – союз человека и носорога.

Холод ночного воздуха, как он был свеж и как легко вдыхался. Мы видели потоки света из многочисленных окон.

Я смотрел вверх. Небо было недвижимым, словно застыло над нами. Земля лежала у нас под ногами – такая шершавая, грубая и черная в ночной темноте. Мир впал в оцепенение, и только мы с носорогом куда-то брели.

Я оглядывался, когда веревка то туго натягивалась, то провисала. Мой носорог то приближался ко мне, то немного отставал. Мы сторонились зданий: они построены не для нас, и их окна светились не для того, чтобы приглашать таких, как мы; мы избегали любых дорог, поскольку они проложены для других людей и их носорогов. Но никакая осмотрительность с нашей стороны не в силах помочь нам не заблудиться.

Я и мой носорог. Я был человеком, который вел живое существо за собой, носорог же покорно следовал за мной.

Он не выпускал из пасти конец веревки, хотя мог бы. И я бы не помешал ему убежать от меня, от этой улицы, этого города. Мой носорог видел, как я оборачиваюсь, и сразу же обращал на меня внимание, я же проверял, до какого предела натянута веревка, не перетерлась ли. Вережка соединяла нас.

– Посмотри, – указывая пальцем вверх, кричал я носорогу. – Только посмотри, какие огромные от нас тени, они такие большие, что достигают самых облаков.

Носорога я водил за собой на крепкой веревке ночью по городу. Однажды я почувствовал, что хочу упасть на землю. Но не от усталости, а просто потому, что я мог совершить какой-нибудь необычный и странный поступок. Был как раз подходящий момент для него, поскольку никто не бы посмеялся над этим.

Я с носорогом переходил с места на место, но при этом не думал его отпускать. Я был поставлен, как поезд, на рельсы, но рельсы эти были без шпал и вдавлены в самую грубую и ужасную почву на свете. Я был не в состоянии бросить животное.

Тогда я лег на землю лицом вниз, не вверх! Я уже видел всё, что было над нами, теперь мне было интересно, что находилось под нашими ногами.

Потом я быстро поднялся, и мы двинулись дальше.

Ночное приключение

Была ночь, и шел сильный дождь. Мы с моим спутником поспешили укрыться от непогоды.

И вдруг впереди мы увидели приоткрытые створки высоких ворот – в них мы вбежали. Это оказалось какое-то заброшенное здание. Стекол в окнах не было, и ветер свободно гулял по его внутренним пространствам, зато имелась исправная крыша, и дождь не мог добраться до нас.

Мой товарищ был рядом со мной, но почему-то я не видел его лица. Да, была ночь, но не настолько темная, чтобы совсем ничего различить и в сантиметре от своего носа. Я не видел лица моего спутника. Я силился уловить черты его лица: глаза, нос, щеки и губы – ничего! Он был рядом, я чувствовал это кожей, мне достаточно было положить руку ему на плечо. Но я тут же испугался, что промахнусь, схвачусь за воздух, не почувствую желаемой опоры – его плеча.

Мой внутренний голос просил, отчаянно умолял положить руку на плечо спутника, однако страх тут же перебивал его, страх того, что протяну руку не в ту сторону. Попытаюсь опустить руку на плечо, но не найду ничего, и рука просто упадет, повиснет в пустоте. Я медленно начал поворачивать голову вправо, при этом медленно закрывая глаза, но затем пристально посмотрел на своего товарища.

Я протянул к нему руку, однако не дотронулся, надо было

подойти к нему вплотную, чтобы буквально носом уткнуться ему в щеку. И всё же мне никак не удавалось положить руку на его плечо. И хотя он стоял на крошечном расстоянии от меня, чтобы я не волновался и не мучился вопросами по этому поводу, его плечо всё равно ускользало от моей руки. Меня отодвигало нечто, мою руку что-то отводило. Я вертел головой, таращил глаза. Постепенно я устал от своих бесплодных попыток.

Может, надо было сказать товарищу о моём намерении?

Как я обращаюсь со своей любовью

Участь парня, которому нечего сказать о любви, об объекте своих пылких чувств. Когда тебе не хватает слов, чтобы добиться от любви объяснений или хотя бы одной фразы, что же приходится делать? Да ничего, что могло бы пробудить у любви желание что-либо сказать тебе в лицо.

Любовь ничего не говорит. Ты бьешь по ней молотком, а ее уста сомкнуты – ни малейшей дрожи. Ты колешь любовь ножом – и вновь ни слова не слетит с ее губ. Ты даже пытаешься облить ее бензином и поджечь – всё напрасно!

Создается впечатление, что любовь не понимает человеческую речь, или человеческая речь не желает быть на ее устах.

Моя любовь не может ходить. Она не мучается от болезней и не поражена каким-либо физическим недугом. Собственно говоря, физическое состояние моей любви в чём-то даже лучше моего, я за этот год умудрился четыре раза сильно простудиться. Я изнурен болезнями, я повержен их продолжительностью.

А моя любовь как была, так и остается неуязвимой для хворей. Возможно, болезнь у любви проявляется не так, как у людей, иначе – без жара и боли в горле. Я не могу приложить ладонь ко лбу любви, чтобы проверить ее температуру. Не могу поставить ей градусник под язык.

Моя любовь привыкла лежать у меня на руках. Ее ноги крепки, тело натренировано, однако это ничего не меняет. Она готова целыми днями лежать у меня на руках, прижиматься головой к моей груди и обнимать меня.

Носить на руках свою любовь мне в каком-то смысле неудобно (хочешь дать свободу своим суставам, конечно-стям, а не можешь – любовь нуждается в том, чтобы твои руки находились в удобном для ее тела положении).

Я ухаживаю за своей любовью и стараюсь держать ее в чистоте и порядке.

Если я, скажем, по неосторожности намочу любовь, то непременно бегу ее сушить. Я поступаю так: аккуратно развешиваю намокшую любовь на веревке, которая протянута под потолком из одного угла кухни в другой, и жду, пока любовь высохнет.

Моя любовь может запылиться, пыль забивает всё ее нутро (как она туда попадает – не знаю). Приходится много раз встряхивать любовь, чтобы полностью очистить ее от пыли. Проще было бы выбить из нее пыль, у меня есть чем это сделать, однако, думается мне, любовь, какой бы пыльной она ни была, согласится лишь на встряхивания. Выбивать из любви пыль чем-нибудь – мера жестокая и чреватая для нее травмами.

Наверное, где-то что-то горит: вся местность вокруг наполнилась удушливым дымом. Дым очень густой, я откашливаюсь, дышать невозможно ни носом, ни ртом.

Я закрываю нос и рот рукавом и так дышу. Я силюсь разглядеть хоть что-нибудь сквозь плотную дымовую завесу, пытаюсь понять, в каком направлении мне двигаться, чтобы выйти из дыма, как уйти подальше от него. Но я не могу сконцентрировать взгляд на том, куда иду, не вижу, что у меня под ногами. Я даже не в состоянии закричать, чтобы привлечь внимание. Я только хриплю, кашляю и шурюсь, потому что дым ест глаза.

Я должен что-то предпринять.

Но что именно? Я не могу просто стоять на одном месте и ждать помощи, я знаю, что она ниоткуда не придет. Место, где я застрял, находится вдали от всякого жилья.

И потом, даже если бы меня кто-нибудь услышал и пришел спасать, то ему это удалось бы не сразу. Моему спасателю – или спасателям, если таких людей было бы несколько – пришлось бы долго меня искать в таком густом дыму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.